

Глава 10. Черная Башня

СХХIV.

Арк встал и начал ходить по комнате. Карман вопросительно наклонил голову, наблюдая за хозяином.

– Я знаю, что это ты. Точнее, что ты там, в Пасти. Где же еще мог прятаться великий трикстер Нигош Черный? Где еще Виктор не смог бы тебя найти? Выходи, нам нужно поговорить.

Песик отвернулся и лег, свернувшись калачиком.

– Еще я знаю, что ты можешь управлять собакой оттуда, изнутри. Так что не притворяйся. Выходи.

Ноль внимания.

Арк не вытерпел.

– Я рисковал собой! Друзьями! Чтобы тебя найти! А ты всё это время был здесь? Я...

На улице раздались шум и крики. Здание моментально проснулось, послышался топот ног. Арк прислушался.

– Это за мной. Это Виктор, должно быть, услышал о штурме музея Бодэ. И теперь пришел по мою душу.

Он снова посмотрел на собаку, которая, казалось, не слышала происходящего снаружи.

– Я не дам ему разрушить всё... всё это. Нигош, слышишь? У меня наконец-то появилась карта в рукаве. Юджин прав. Я сдам тебя Виктору, с потрохами. Но, поскольку люблю свою собаку, я дам тебе время убежать. И перепрятаться. Забиться в самую дальнюю нору. А потом... я не хочу тебя больше видеть.

Арк проверил карманы. В одном из них всё так же лежал револьвер. Он был заряжен. Пришло время со всем разобраться. Арк спустился по лестнице, прошел мимо суетящихся полицейских, вышел на крыльцо. И обомлел.

На улице, прямо перед кирхой, во мраке ночи стояла гигантская антропоморфная фигура. Высотой она почти доставала до белого шара на шпиле бывшей церкви. Фигура была черной, почти сливалась с ночным воздухом и угрожающе нависала над кучкой людей, суетливо выстраивающих защиту.

У фигуры была собачья голова.

Больше всего это напомнило Арку Анубиса, египетского бога смерти. Возможно, идею Виктор почерпнул в одном из музеев на острове. Фигура была устрашающей, но не только внешне. Она была наполнена колдовской силой. Казалось, одним ударом она может расколоть кирху на части.

Арк вышел вперед и остановился у антрацитовый ступни фигуры. Револьвер он сжимал в левой руке. Оружие казалось игрушкой по сравнению с мощью перед ним.

– Виктор, – сказал он. – Я знаю, что это ты. Если ты не уйдешь немедленно, если ты нападешь на полицейское управление, Совет оторвет тебе голову. И собачью, и человеческую.

– Аркадий, – голос чудовища был мягок и бархатен, но в нем слышались отзвуки грозы. Слышались в нем также интонации Виктора. – Вы со своими друзьями переступили черту. Я вынужден вас уничтожить. И эту суку птицу, и жирного увальня, всех. Всех до одного. Берлину следует помнить, кто его настоящий хозяин.

«Где Александр? – думал Арк. – Где все эти великие колдуны? Почему их нет именно сейчас?» Краем глаза он заметил, как за спиной чудовища, на другой стороне трамвайных путей, появилась Пилар с компанией полицейских. Нужно было торопиться.

– Тебе не нужны все эти люди, – сказал он. – Тебе нужен я. Только я представляю угрозу.

– Ты не уйдешь. Никто не уйдет.

– Если ты сейчас просто отступишь, я скажу тебе, где Нигош.

Воцарилась пауза. Пилар с ее людьми на другой стороне готовили какое-то заклинание.

– Ты врешь, – сказал Виктор. Но его голос уже не звучал так уверенно. Судя по всему, он не мог читать мысли через гигантского Анубиса.

– Не вру. Я узнал об этом совсем недавно. И если ты оставишь всех в живых, я скажу тебе. Они мне важнее, чем Нигош.

– Я убью всех и вытяну это из тебя!

Ответом ему был щелчок револьвера. Дуло Арк со всей силы прижимал к своему виску.

– Только я об этом знаю, Виктор. Я не успел никому рассказать. Если я сейчас выстрелю, ты никогда не найдешь Нигоша.

Повисла пауза. Пилар на другой стороне улицы была готова к атаке.

– Раз! – сказал Арк. Костяшки его пальцев на рукояти пистолета побелели. – Два! Черная фигура стала как будто ниже ростом. Анубис наклонился ближе к земле и протянул Арку гигантскую ладонь. Она была размером с небольшой автомобиль.

– Мне нужен только ты, – сказал Виктор. – Брось пистолет – и пойдём. Я не трону остальных.

«Надеюсь, Нигошу хватит времени, чтобы убежать, – подумал Арк. – Надеюсь, я смогу потом найти Кармана». А потом он подумал, что никакого «потом» уже и не будет.

Арк отшвырнул револьвер в сторону и залез в ладонь монстра.

Несмотря на всё случившееся с ним за последнее время, полет над ночным Берлином в лапе гигантского Анубиса был для Арка, наверное, самым запоминающимся. Арк готовился умереть – у него не было иллюзий относительно намерений Виктора. Но всё-таки вид открывался потрясающий.

С высоты Арк видел телебашню – темную, потерянно торчащую посреди затихшей площади, озаренное маревом люминесцентных насекомых дерево Танненбаума, мягко светящееся русло Шпрее, пути Поезда. По огням можно было различить Цоо. Вдалеке виднелся дворец Падишаха – там никогда не прекращался праздник. С другой стороны были заметны окна Фридрихсхайна и Остройца, чуть сбоку мерцал огоньками Кройцберг. Остальной Берлин почти не подсвечивался, лежал внизу черным плотным покрывалом. Чем-то он напоминал Черную Башню Нигоша, точнее, она напоминала его: опасная, хищная, сотканная из тьмы. «Плоть от плоти города, – понял Арк. – Без нее Берлин не полон».

Анубис ступал плавно, Арка почти не трясло в его гигантской ладони. Сама лапа оказалась мягкой на ощупь, покрытой легким пушком. Если бы не обстоятельства, Арк мог бы сказать, что поездка весьма комфортна.

Наконец Музейный остров стал ближе, и можно было рассмотреть его во всех деталях. В предрассветной темноте Берлинский Дом – главный кафедральный собор города, с огромным, покрытым благородной зеленой патиной куполом на мощном основании – казался почти черным. Внутри не горело ни огонька. Вообще, Музейный остров был тих и темен, как будто на нем полтора часа назад не произошло задержание великой колдуньи, члена Совета, силами двух десятков организованных, тренированных, но всё-таки обычных людей.

«Боятся, суки, – чуть самодовольно подумал Арк. – С сегодняшнего дня все они, абсолютно все будут нас бояться». А потом вспомнил, где находится, и передумал. Начиная с Александрплатца, нет, с того самого, первого визита Доротеи он постоянно участвовал в чём-то неизменно большем, чем он сам. Врезался в айсберги, не видя подводной части. Он потерял возможность планировать каждый свой шаг и каждый шаг противника и из-за этого проигрывал из раза в раз. В лучшем случае выкарабкивался вничью. «Всё-таки, видимо, Иммануил был моим потолком, – думал Арк, пока гигантская фигура Анубиса подходила к Берлинскому Дому. – А я решил до Виктора допрыгнуть. Вот и сейчас: револьвер я выбросил, аргументов у меня больше нет. Он выдоит меня досуха, убьет, а потом вернется и убьет всех остальных. И ничто и никто ему не помешают».

Арку стало страшно.

Ладонь Анубиса, в которой он был зажат, неожиданно стала сжиматься, и, оглядевшись, Арк понял, что монстр просто уменьшается в размерах, сдувается, как inferнальный воздушный шарик. Арк расправил руки, лапа разжалась, и он мягко скользнул на землю прямо перед входом в собор. Двери вышиной в три

человеческих роста были приоткрыты. Выбора больше не было. Ничего больше не было. Трюки кончились.

СХХVI.

Пшигода открыл глаза. Всё тело горело. Правая рука не двигалась. Он был в госпитале. Тускло горели ночники. Рядом с его кроватью на табуретке сидела Лу. Она заметила, что Ирджих проснулся, робко улыбнулась, как когда-то давно, когда она еще не была начальником полиции, когда она, маленькая девчонка, еще побаивалась его, здорового бугая. Пшигода почти физически ощутил, как ее любит.

– Мы победили? – спросил он.

– Да. Арк жив, он в безопасности. Доротея арестована.

– Потрясающе, – усмехнулся Ирджих.

Он попытался встать, обнять Лу, но конечности плохо его слушались. Волна боли перекрыла волну любви.

– Лежи, лежи, что ты! Тебя сильно приложило.

– Что-то сломано?

– Почти всё.

Пшигода улыбнулся сквозь боль.

– Что говорит Оксана?

– Тебя ждут несколько неприятных месяцев. Потом выкарабкаешься.

– Какие потери?

– Шестеро погибших. Еще девять человек ранены, но мало кто пострадал сильнее тебя. Ты получил от Доротеи прямой удар, остальных задело по касательной.

– Ты как? Пилар? Арк?

– Мы в порядке. Арк отдыхает в кирхе, Пилар охраняет Доротею. Она подозревает, что первая ночь будет самой тяжелой. Главное – сломать дух этой колдуньи. Если верить Фаруку, это должно быть не очень сложно. Кстати, Фарук – один из шести погибших. Пуля в лицо, представляешь? Не успел защиту поставить, наверное, не привык к Вишну-шару.

«Фарук...» В памяти Пшигоды всплыло его лицо, самодовольное, веселое. Было видно, как он наслаждается совершаемым предательством. Предвкушение, когда Пшигода полез в карман. Изумление за мгновение до выстрела. Пшигода не планировал его убивать. Это произошло на уровне инстинкта, как, не задумываясь, со всей силы хлопаешь себя по щеке, на которой сидит комар. Пшигода сделал это, чтобы не допустить эту гниль в организацию, которую они создали. Которую создала Лу. Но, таким образом, он сам стал этой гнилью. Пшигода убивал и раньше, много раз, но никогда так хладнокровно, исподтишка. «Я дерусь, потому что дерусь», – вспомнил он свою любимую цитату. Что же, это уже не совсем так.

– Всё в порядке? – спросила Лу. – Ты надолго замолчал.

– Да, просто задумался. Всё хорошо, – улыбнулся Пшигода.

Надо сказать Лу. Но говорить нельзя. Кто-то должен остаться чистым, а кто-то – принять всю гниль на себя. Так будет лучше для всех, кроме него. Принять, проглотить ее своим большим телом, растворить в желудочном соке, запить пивом или чем-то покрепче. Нет, Лу не должна знать о Фаруке. Это его решение и его проблема.

– Я люблю тебя, Лу, – сказал Ирджих.

– И я тебя люблю, – она погладила его по вспотевшему лбу. – Всё будет хорошо.

В комнату, задыхаясь, вбежала Пилар.

СХХVII.

Многим в Берлине спалось беспокойно в ту ночь. Может быть, конечно, дело было в гигантском псоглавом фантоме, который прошагал по улицам прямо перед рассветом. Может, причина в переделе власти, который произошел на Музейном острове. А может, корни лежат еще глубже – впервые великая колдунья, практически божество в своем доме, была побеждена командой обученных, целеустремленных, но всё-таки людей. Но кто знает, отчего боги плохо спят?

Скелет из Моабита и Куб из Гезундбруннена даже не ложились. Они находились в Башне Куба – приземистом, массивном бетонном комплексе, когда-то бывшем элементом противовоздушной обороны. Время они проводили за игрой в шашки, как самой простой из игр. Оба были сторонниками философии симплицизма, то есть упрощения, но каждый понимал ее по-разному и подходил к ней с другой стороны: один отказался от плоти, второй – от формы. Куб висел в воздухе где-то в метре от пола и тревожно мерцал нежно-розовым, ловя эманации Изнанок. Скелет курил сигару, и вдыхаемый дым проходил сквозь него, выходя непослушными клубами из грудной клетки и из-за позвоночника, окутывая колдуна мягким облаком. Они провели за одной партией уже много часов. На доске по-прежнему стояли всего две шашки – черная и белая.

Чуть западнее, в Шарлоттенбурге, в своем роскошном дворце Падишах ворочался и не мог заснуть. Сам этот факт его волновал – значительную часть своей колдовской мощи он черпал именно из сновидений, своих и своих подданных. В эту ночь сны были дрянные, рваные, обугленные. Падишах открыл глаза, выругался по-шумерски. Крякнул, перевернулся на другой бок на своей королевской кровати с бархатным балдахинном. Сотворил себе бокал Шато Лафит, галету с фуа-гра, нубийскую наложницу. Не удовлетворился ничем.

Этвас Андерес лежал недвижно, уставившись своими оранжевыми глазами в потолок. Во Дворце Стонов, его обители, возведенной на месте большого городского парка, никогда не гаснул свет и не стихали звуки, но никогда раньше это не мешало ему спать. Он первым из великих колдунов узнавал все новости

Берлина. Так было и сейчас: он уже знал о произошедшем на Музейном острове и даже догадывался об ответе Виктора. Изменение статус-кво ему не нравилось. Ночь пахла войной. Этвас почувствовал, как его глаза наполняются слезами, не стал сдерживаться и разрыдался – искренне, глубоко, как умеют только дети. Потом встал с кровати, сделанной из бесформенного куска живой, чувствующей плоти, подошел к большому платяному шкафу, занимавшему полкомнаты. Известным ему одному заклинанием распахнул створки. В шкафу, насаженные на аккуратные крюки, висели тела детей, в основном в возрасте от девяти до тринадцати лет. Тело, которое он носил сейчас, мягко свалилось на пол, и один из висевших на крюках мальчиков открыл свои ярко-оранжевые, без радужек и зрачков, глаза.

В центре города Танненбаум беспокойно шевелил ветвями, из-за чего колыхалась вся Роща, и казалось, что дует ветер, хотя на самом деле никакого ветра не было. Колдун-дерево чувствовал опасность всем телом, впитывал ее корнями из пережившей бессчетное количество опасностей земли. Что-то случилось этой ночью, и что-то еще случится. Танненбаум вспоминал битвы между великими колдунами, борьбу за власть, раздел территорий, основание Совета, пресекшего эти внутренние склоки. Деревья никогда не хотели войны. Долгое время Танненбаум думал, что Виктор Лихтенхерц разделяет эти ценности. Теперь к чувству опасности примешивалось сомнение. Война, кровь, массовые убийства всегда плохи для деревьев. Им, чтобы расти, нужен углекислый газ. Пока что люди были его надежным источником.

На юге, в Вильмерсдорфе, рыжеволосая Ведьма высунулась из бассейна, в котором пыталась уснуть. Прислушалась к Луне, вздохнула. Откинулась назад, отпустила бортник и поплыла на спине, распутив, раскидав свои роскошные волосы, давая им как можно больше пропитаться водой. Вода вошла в нее, просочилась внутрь. Ведьма сама стала превращаться в воду. Сначала из нее вытек весь цвет, растворился, исчез в глубине бассейна. Затем пальцы ее стали тоньше и тоньше, начали таять, как сосульки. То же самое происходило с ногами, всем телом. Ведьма из Вильмерсдорфа некоторое время побыла просто лицом, беспечно лежащим на холодной прозрачной воде, но потом растворилось и оно. Только пучки рыжих волос, как диковинная ряска, остались плавать на поверхности.

Сивилла из Кёпеника проснулась в своей пещере. Первым делом проверила отпрысков – все были в порядке, все до одного. Женщина-ящер лениво потянулась, устроилась поудобнее и снова погрузилась в приятную дрему. События в центре Берлина мало ее волновали. Вместе с ней в теплой влажной пещере спокойно спали тысячи и тысячи отложенных яиц.

Из Литенхерцев в ту ночь не спал никто. Клавдия, Отто и Франсуа внимательно следили за штурмом музея Боде, собравшись вместе в скрытом наблюдательном

пункте на крыше Пергамона. Отто вел подробные записи. Несколько раз Клавдия чувствовала страшную боль Доротеи и каждый раз презрительно морщилась. Потом, когда шум в музее Бодэ стих, мужчины отправились к себе, а Клавдия осталась сидеть наверху, как старая ворона, ожидая возвращения Виктора. Музейный остров маленький, и выплеск эмоций долетел до нее, захлестнул, как сильный прибой. Она мстительно расхохоталась, посмотрела на рождение темного собакоголового фантома, докурила сигарету и пошла спать.

Шпрее неспешно колыхалась всю ночь, улавливая малейшие изменения в атмосфере города.

Александр смотрел на происходящее через свой кристальный шар. Он не покидал телебашню уже много месяцев и пользовался исключительно колдовскими способами, чтобы следить за миром вокруг. Несмотря на расхожие слухи, он не был всеведущ, он просто знал очень, очень многое, а для всего остального он вырастил этот шар из единой песчинки оксида цинка с вкраплениями алюминия. При помощи шара он мог наблюдать за многими происходящими в городе событиями, если, конечно, хотел, потому что чаще всего его взгляд был обращен в другие места. Но не в эту ночь. Александр чувствовал ее важность, чувствовал, как в эту ночь Вселенная кидает и кидает игральные кости, как вероятности схлопываются, открывая одно будущее и навсегда закрывая другое. Будущее Берлина, будущее Арка, даже будущее его самого. Это стоило того, чтобы отвлечься от исследований.

СХХVIII.

Арк подавил боль в горле и вошел в Кафедральный собор Берлина. Тяжелые створки дверей захлопнулись за ним. Внутри было довольно светло, и Арк легко сумел рассмотреть интерьер. Никаких черных пентаграмм, кровавых алтарей или выпотрошенных трупов он не заметил. Больше всего Берлинский Дом изнутри напоминал канцелярию, офис какого-нибудь богатого нотариуса или адвоката. Виктор, кажется, был единственным колдуном, который внутри своей Башни не расширил, а сузил пространство. В центральном нефе повсюду стояли письменные столы с пишущими машинками, конторские шкафы с выдвижными ящиками, пол был застелен зеленым ламинатом. Под каждым столом аккуратно лежал коврик. На некоторых ковриках виднелась собачья шерсть. Арк шел мимо рядов письменных столов. Было видно, что хундескопфы тяжело работают тут каждый день, что-то печатают на своих машинках, считают на калькуляторах, ставят печати, и Арк никак не мог понять, что же именно они делают, а главное – зачем. Арк посмотрел наверх. Виктор оставил оригинальную высоту собора, и Арк проходил прямо под куполом. Потолок был белым, без каких-либо украшений или вычурностей. Массивные стены, колонны, арки поддерживали совершенно непримечательный потолок. Тускло светили вытянутой формы неоновые лампы,

идущие по периметру купола. Отчего-то эта Башня смутила Арка больше, чем смутили бы любые щупальца, слизь, глаза или прочие лавкрафтианские ужасы. Впрочем, возможно, на это и был основной расчет.

Арк прошел основной неф и дошел до небольшого барьерчика, которым в соборах алтарь обычно отделялся от основного зала. Боль в горле усилилась. Рядом с невысоким деревянным ограждением стояли три хундескопфа – два добермана и бульдог. У одного из доберманов был высунут язык, и слюна мерно капала на гранитный пол. Арк заметил, что в альковах по бокам скрываются и другие миньоны Виктора, их собачьи морды, крупные и маленькие, хищно следят за каждым движением гостя. Один из доберманов предупреждающе зарычал, и Арк остановился. Пересекать барьер, судя по всему, не следовало.

Алтарь находился на небольшом возвышении и был огорожен чем-то вроде пластиковых ширм с дешевым узором. Из-за них слышались сухие хлопки, похожие на выстрелы. Одна из них отъехала в сторону, и Арк увидел письменный стол Виктора. Он был побольше остальных, но, как и они все, был завален кучей бумаг. Картонные папки лежали на нем стопками, из них свисали сотни закладок. По всему столу были разбросаны канцелярские скрепки. В центре всей конструкции стояла древняя мощная пишущая машинка, а за ней виднелся хозяин стола. Он печатал, медленно, буква за буквой, выбивая на зажатой в тисках машинки белой бумаге какие-то таинственные руны. Бумага тут же прогибалась под их тяжестью. На Арка Виктор не обращал никакого внимания. Наконец машинка щелкнула, плавно поехала каретка, звякнув в конце; Виктор нажал какие-то клавиши, и бумага вырвалась наружу, зазмеилась по поверхности стола и сама заползла в одну из папок. Виктор что-то записал золоченой ручкой на другом листе бумаги, поставил две разные печати, поднял взгляд и наконец-то посмотрел на гостя. Его взгляд был тяжелым, как бетонная плита.

СХХІХ.

Боль в горле усилилась. Арк чувствовал, как Виктор проскальзывает в его мозг, проминает все защиты, растворяет сопротивление. Арк уже не был камнем, но и это его не спасло. Виктору было всё равно. Он открыл и прочитал Арка, как содержимое одной из своих папок. А потом расхохотался.

– В собаке?! Это интересно. Неожиданно. Свежо! Нигошу удалось меня развлечь.

– Он уже давно убежал, – сказал Арк.

Виктор махнул рукой.

– Мелочи. Я понял принцип. Если нужно будет, я выверну наизнанку каждую собаку, крысу и клопа в городе – и наверняка найду его.

«Сейчас он поймет», – подумал Арк, прекрасно понимая, что и эта мысль будет прочитана.

– Но, – лицо Виктора мгновенно стало серьезным, – это также означает, что Нигош всё-таки не придумал, как телепортироваться на Земле. Это крайне досадно. Захват мира придется ненадолго отложить. Сосредоточиться на Берлине.

От этих слов у Арка пробежал мороз по коже.

Виктор оценивающе посмотрел на него.

– Есть восемь способов тебя уничтожить, тут же, на месте. Но ты мне нравишься, Аркадий. У тебя имеется интересное свойство – ускользать от смерти. Даже превращение в статую тебя не успокоило. Я предлагаю тебе стать моим учеником. Не безмозглым хундескопфом, а настоящим, полноценным учеником. Первым в своем роде. Вместе мы многого добьемся. Ты получишь свое жилье на острове – в последнее время тут много вакансий...

«Тут какой-то подвох», – подумал Арк.

Виктор снова засмеялся:

– Конечно. Моим первым приказом будет пойти и убить всех полицейских Берлина. Начиная с твоих друзей. С Советом мы потом разберемся вместе.

Арк даже не успел сформулировать ответную мысль, как Виктор уже качал головой, прочитав только его эмоции.

– Как ты понимаешь, они уже мертвы. Что бы ни случилось, им не пережить этих нескольких дней, за которые я отловлю их и передую, как котят. После их фокусов в музее Бодэ я просто обязан это сделать. Следующими будут Клавдия и эти два мальчика-с-пальчика. Я, видишь ли, сторонник не угроз, а демонстраций.

– Но ты пообещал! – напомнил возмущенный Арк.

Виктор фыркнул:

– Что стоит обещание, данное мухе? Травинке у меня под ногами?

Он встал из-за стола, размял ноги, потер затекшие колени.

– Это было не обещание, это была капля меда, к которой ты прилип и теперь никуда не улетишь. Справедливости ради, это был твой единственный шанс, иначе я сравнял бы Иммануилкирхе с землей, как должен был сделать уже давным-давно. Я так понял, ты не принимаешь мое предложение?

Он подошел на два шага ближе к Арку и как будто стал выше ростом. Тени сгустились вокруг него, образуя темную ауру. Его очки хищно блестели в свете неоновых ламп.

И тут Арку на секунду стало жалко Виктора. Он изо всех сил постарался удержать это чувство, но оно прорвалось. Виктор, такой умный, такой могущественный, так хорошо всё рассчитал. Повелитель Берлина, потом мира. Обманул весь Совет, сбросил главного конкурента с пьедестала. Выследил единственного колдуна, который мог помочь с его планами. Силой, шантажом выведал, где тот прячется. Нес победу в ладони, как Анубис Арка. Но это у него не получилось, то сорвалось, здесь его предали, тут обманули. Нигош ему не поможет, все планы, все козни пошли к черту. Бедный, бедный всемогущий Виктор...

Арк посмотрел противнику в глаза и увидел, что тот в бешенстве. Губы Виктора превратились в две белые полоски, лицо пошло пятнами. Опасно жалеть тех, кто умеет читать мысли. Боль в горле Арка достигла апогея. Он словно физически почувствовал там что-то острое, колющее, рвущееся наружу. Даже ощутил привкус крови.

Виктор сделал молниеносный сигнал рукой, и два добермана схватили Арка за руки, силой поставив на колени. Из их пасть несло тухлятиной. Виктор подошел совсем близко, навис над Арком, так что тот смог почувствовать и его дыхание. И вдруг зрачки Виктора расширились. На миллисекунду опаснейший колдун Берлина, без пяти минут хозяин мира, испугался. Увидел что-то, чего никак не ожидал.

А потом это случилось.

Началось со странной, агрессивной отрыжки. Она продрала Арково горло, и он только успел как можно шире открыть рот, как вдруг оттуда высунулось что-то острое и металлическое. И полезло дальше. Челюсть Арка отвисала всё ниже и ниже, надрывая плоть, ломая анатомию, и вслед за острым лезвием, которое он слишком поздно опознал как шпиль, полезла вся Черная Башня Осткройца. Шпиль, как швейная игла, проткнул грудь Виктора, увлекая его за собой, сминая пополам, и полетел вверх, к куполу собора, а за ним невероятным черным поездом, нарушая все законы приличия и геометрии, неслось гладкое, толстое тело Башни. Купол ее не затормозил. Башня пробила его навывлет, по инерции пролетела чуть дальше и грузно осела, поднимая клубы пыли. Люминесцентные лампы замигали и погасли, и Берлинский Дом погрузился в темноту.

Всё это время Арк стоял на коленях, но как только нижние этажи Башни вылетели из его Пасти, он откатился в сторону, его вырвало, и второй раз, и третий, из него извергались кровь, пыль, мелкие камешки – и всё это было приправлено неопознанной черной слизью. С трудом поднявшись на ноги, он стремглав, не разбирая дороги, побежал вон из собора, остановившись лишь снаружи, упав на траву без сил, без ума, вытошнив из себя остатки слизи.

Потом он смог привстать и оглядеться. Всё выглядело так, как будто у собора сбоку купола вырос огромный черный флюс. Остальной купол медленно проваливался внутрь вокруг навершия Башни. Ее шпиль, освещенный мягкой предрассветной зарей, казался красным от крови. Останков Виктора на нем уже не было. Собор был мертв. Башня, а с ней и Нигош Черный полностью впитали его колдовскую силу. «Хозяин никогда не покидал меня, – подумал Арк, но эта мысль не обрадовала его, не ободрила, а наоборот – сделала что-то с его желудком, и его снова вырвало, желчью и водой. – Ну и черт с ним. Ну и черт с ними со всеми». Весь Берлинский Дом скрипел и содрогался, как корабль с пробитым днищем. Из его дверей веселой гурьбой выбежала стайка собак. Арк узнал двух доберманов, которые держали его внутри.

Рядом с ним на траву приземлилась Лу-оспри, превратилась в человека, подбежала к нему. Он обнял ее, потом отстранился. Слова были не нужны. Она продолжала держать руку на его плече. Вместе они, замороженные, немые, смотрели на открывающуюся перед ними картину. Новое солнце всходило над Берлином.

Эпилог

СХХХ.

Арк сидел и молча смотрел на свою могилу. В последние месяцы он делал это достаточно часто, во многом из-за скуки и отсутствия каких-либо занятий. Он играл в го с Ахилом, пил пиво с Пшигодой, мешал вечно занятой Лу, но большую часть времени просто слонялся по быстро меняющемуся городу или сидел вот здесь, на специальной скамеечке, и смотрел на свое имя на простом могильном камне. Полицейским он так и не стал. Политиком тоже. Как оказалось, поиск Нигоша был не препятствием на пути к спокойной жизни, а ее условием. Без этого знака вопроса, то и дело толкавшего Арка вперед, оказалось, что он совершенно не знает, чем заняться. Он вдруг начал понимать Доротею, которая получила всё, о чём мечтала, и это привело к ее падению. Он несколько раз навещал ее в тюрьме, но она молчала, даже не смотрела на него, беспомощная, спеленутая заклинаниями, с грязным лицом и растрепанными волосами. Арку было ее жаль. Она, как и все остальные, была жертвой Смещения.

Со смертью Виктора в город также не пришло спокойствие. Он загудел, как разбуженный улей, сразу стали заключаться новые договоры и союзы, и после того, как колоду основательно перетасовало, к выборам всё вернулось на круги своя. Единственным, пожалуй, важным новым событием было полное отречение Александра. Он передал власть над Александрплатц в руки Оксаны и окончательно заперся в своей телебашне, замуравав ее от всего остального мира. Третьего октября прошли выборы, и Оксана легко стала Главой Совета. Падишаха выбрали Казначеем. Главной интригой выборов оказалось появление Нигоша, который вихрем вернулся в берлинскую политику, вскружил всем головы, а потом снова отошел от дел. Его Башня – теперь Черная Башня Митте – выровнялась, вросла в землю, стала потихоньку вбирать в себя развалины кафедрального собора, выросла на пару десятков метров и явно портила жизнь Клавдии и оставшимся Лихтенхерцам, поделившим между собой остальные богатства Музейного острова. Арку, впрочем, это было не важно. С Нигошем он так больше ни разу и не встретился, обнаружив в себе спокойное море безразличия. Юджин, чья роль всё больше становилась похожей на роль личного психолога для Арка, его в этом поддержал. Нигош тоже не выразил ни малейшего желания общаться со своим бывшим Карманом.

После успеха полиции на Музейном острове ее ряды пополнились десятками новых воодушевленных новобранцев. Почти выздоровевший Пшигода вовсю занимался их муштрой, а по всему Берлину открывались новые полицейские участки. Особенно удивительно было видеть новый отстроенный участок на самом Музейном острове, в развалинах музея Бодэ. Отто Лихтенхерц, несмотря на свой

новый статус члена Совета, крайне заинтересовался работой этого участка и привлек сюда много бывших хундескопфов.

Да, сразу после выборов Лу также одержала уверенную победу. Владение миньонами и вообще подчинение разумов людей в любой форме стало в Берлине запрещено. Амулеты Верности ушли в прошлое. Конечно, осталось много нерешенных вопросов вроде статуса дуболомов Танненбаума и прочих колдовских созданий, не обладавших интеллектом в полном смысле этого слова, но первая тропинка была проложена, и члены Совета массово отказались от Амулетов.

– Мы должны сказать спасибо Доротее Лихтенгерц, – подчеркнула Лу на одной из их вечеринок. – Она была не в лучшей форме в ту ночь, и это нас спасло.

– А еще мы должны сказать спасибо Нигошу, – брякнул Ульрих, но, поймав взгляд Арка, быстро заткнулся.

В целом было видно, как Берлин из постапокалипсиса движется в сторону постпостапокалипсиса. И чем дальше он туда продвигался, тем больше Арку казалось, что в этом городе не остается места для него самого. Именно поэтому он всё чаще присаживался у своей могилы, иногда в компании с Карманом, а иногда с Юджином. Тот так и остался статуей – Оксана сказала, что превращение в человека неизбежно убьет его, а вот в виде мраморной головы он может просуществовать еще достаточно долго. Юджин отнесся к этому философски. Именно в разговоре с ним Арк и придумал, чем хочет заниматься в дальнейшем.

СXXXI.

Ближе к вечеру Арк зашел в офис Лу. Ее стол ломился от бумаг, пустых конвертов, полупустых чашек. Арк фыркнул. Он отлично помнил время, когда на столе у Лу лежал только пистолет. Он вынул из кармана белый шарик, покрутил в руках, потом положил на стол. Шарик, словно сам по себе, покатился в сторону Лу, умело огибая завалы.

Лу подняла глаза.

– Мне кажется, из меня выходит плохой полицейский, – заявил Арк.

– Да что вы все, сговорились? Сначала Ирджих начал заниматься каким-то излишним самокопанием, теперь ты. Всех надо утешать?

– Не всех, Лу. Я серьезно. В этом нашем стартапе я свое сделал. Время двигаться дальше.

Лу поймала шарик, который наконец-то докатился до ее края стола.

– И чем собираешься заняться?

Арк улыбнулся:

– У меня есть идея для нового стартапа. Скажи, ты когда-нибудь задумывалась о том, что происходит в других городах? В других странах? Виктор в своем мегаломаньяческом бреде подал мне неплохую идею. Он хотел их захватить, конечно. Я же думаю скорее о том, чтобы наладить коммуникацию. Наверняка в

крупных центрах типа Амстердама или Парижа всё еще остаются люди. Может быть, даже Дрезден еще стоит.

– Может быть, но добраться до них невозможно. Тебя съедят по дороге. Там такие монстры живут, что Тараск покажется милым котиком. Связи тоже нет, и вряд ли даже с помощью Ахила можно придумать надежный способ.

– Всё это не значит «невозможно», просто очень тяжело. И дорого. Но я, кажется, придумал, кто будет хорошим инвестором.

Позже, ночью, они устроили прощальную вечеринку – как раньше, впятером. Она была веселой и немного грустной, но главное – она была очень личной, поэтому подробности можно опустить. Арк не чувствовал, что прощается с друзьями навсегда, но на всякий случай постарался запомнить их такими – настоящими, слегка уставшими, любящими его. Ахила с его роем мыслей о том, как лучше обустроить будущее. Пилар с ее заботой о сыне, которая постепенно распространялась на весь город. Пшигоду, хромого, но всё еще весьма грозного снаружи и совсем другого изнутри. И Лу, открывшую в себе целый мир возможностей. Арк вспомнил Серба, жадного и хитрого старика, который по собственным корыстным мотивам собрал их вместе. Даже из самых эгоистичных семян могут прорасти прекрасные деревья!..

Следующим утром Арк с головой Юджина в рюкзаке пришел на Александрплатц. Карман с деловым видом семенил рядом. Октябрь уже давно вступил в свои права, поэтому шпиль телебашни, бесцветный, скромный, терялся в набрякших тучах. Арк подошел к ней поближе. Некогда перламутрово-серое, теперь ее основание было обугленным, размалеванным граффити и заплеванным. Место вокруг телебашни превратилось в помойку. «Sic transit gloria mundi», – сказал когда-то Пшигода. Наверное, рано или поздно любая gloria mundi становится свалкой. Пахло, как от Реки Гнили, всюду копошились крысы и муравьи размером с крыс. Арк задрал голову вверх. Фасеточный зеркальный шар неподвижно висел под облаками, ничего не отражая, как на самой скучной дискотеке. Карман было погнался за муравьем, но Арк свистнул, и они вместе вплотную подошли к телебашне. Арк несколько секунд смотрел на сплошную бетонную стену. И вошел внутрь. Карман просеменил за ним.

СXXXII.

В телебашне было темно. Арк почувствовал неожиданную легкость во всем теле, Карман удивленно тявкнул, и Арк понял, что они летят вниз. Полет был плавным и мягким, быстрым, но без ощущений перегрузок, какие бывают в скоростных лифтах. В какой-то момент ступни Арка снова коснулись пола. На ощупь тот был мягким и чуть колким, как экзотический ковер с длинным ворсом. Включился свет, а может быть, Арку разрешили видеть, и оказалось, что они стоят посередине зеленой весенней поляны. Неподалеку росло раскидистое дерево, под ним был

накрыт стол. За столом сидел Александр. Завидев Арка с собакой, он поднялся и помахал рукой.

Арка с опаской подошел к истинному богу Берлина. Слухи про Александра ходили разные. Арка не знал, насколько человек, способный на таком уровне менять физическую реальность, пойдет с ним на контакт. Виктор видел его мухой, попавшей в каплю меда. Шпрее описала его, как «микроба». Александр же...

Александр, очень высокий, нескладный, немного сутулый, в очках с тонкой оправой, протянул руку.

– Аркадий, – чувствуя себя глупо, сказал Арка и пожал ее.

– Александр, – сказал Александр. – Садись.

Арка сел за стол, который можно было бы представить на веранде какого-нибудь богатого загородного дома, а не в Башне самого могущественного существа в Берлине.

– Нравится? – спросил Александр.

Арка вздрогнул.

– Не бойся, я не читаю мысли, как Виктор. Я просто истолковал выражение лица.

– Это всё... необычно.

– Особенно после Башни Нигоша? И собора?

Арка кивнул.

– Виктор... – Александр задумался. – Виктор был мне почти другом. Вначале. Мы получили эти способности, познакомились. У нас были общие планы. Мы оба хотели, чтобы Берлин вернулся к мирному существованию. Собрали самых могущественных колдунов, помирили их, основали Совет. Но вот конечные цели у нас, судя по всему, были разными. Виктор видел других как инструменты, как ступени на пути к вершине. И окружал себя такими же людьми. Я не знаю, что бы он делал после того, как безраздельно захватил бы власть в Берлине.

– Он хотел захватить весь мир, – сказал Арка.

Александр вздохнул.

– А дальше что? И зачем? Я очень силен, Арка, – хозяин телебашни говорил серьезно, без тени хвастовства. – Но, в отличие от других великих колдунов, я сам никогда не искал ни силы, ни власти. Я был ученым и, хочется думать, им и остался. Это то, что Виктор никак не мог обо мне понять. Он видел во мне конкурента, угрозу. Меня же никогда не интересовала власть как таковая. Это была одна из его ошибок.

– Из-за этого он выпустил Тараска на площадь?

– Да, – Александр слегка отвел взгляд. – И это была одна из моих ошибок. Я... отвлекся. Когда я почувствовал темпоральное возмущение вокруг Башни и увидел, что происходит, было уже поздно. Я только успел поделиться своей силой с Оксаной, чтобы та победила монстра.

– Отвлекся?!

– Задумался... Это трудно объяснить. С таким количеством мощи и возможностей у тебя полностью меняются приоритеты, искажается восприятие реальности. Я ученый, я погрузился в предмет изучения. Мне очень жаль.

– Что же вы...

– Давай на «ты», пожалуйста.

– Что же ты изучал?

– Смещение.

– В смысле?

– Восемь с небольшим лет назад во всём мире произошла ужасная катастрофа, которая полностью поменяла всё, что происходит на нашей планете и в нашей Вселенной. Мы получили колдовство, но потеряли несоизмеримо больше. Потеряли физику, а с ней, парадоксальным образом, и себя. Трудно было представить, насколько наша мораль связана с физическим миром и его возможностями. Я пытался и до сих пор пытаюсь понять, что же именно произошло. И как можно всё вернуть.

– Вернуть?

– Да. Я убежден, что ключ – во времени, в его физическом течении. Время каким-то образом связано с энтропией, с порядком всех вещей во Вселенной. А он, в свою очередь, почему-то связан с человеческим сознанием, и именно эта связь рождает колдовство.

– Время и внимание, – произнес Арк.

– Что-что?

– Да так, слышал... где-то.

Александр кивнул, собравшись с мыслями, и продолжил:

– Что-то сломалось в этом механизме, какая-то песчинка попала между шестернями. И я думаю, что ее можно убрать. И либо запустить всё заново, либо как минимум восстановить статус-кво. Это то, чем я занимаюсь последние четыре года.

– И как успехи?

Александр замялся.

– Даже у моих возможностей есть ограничения. Кроме того, я отдал значительную часть своей силы Оксане и не вернул ее назад. Это тоже вносит свои коррективы. Есть многое, что мне неподвластно. Я не могу заглянуть в прошлое, как во многих Изнанках. Не могу повернуть время вспять на всей планете. Даже не могу свободно перемещаться по Земле, не могу физически добраться до точки, в которой неизвестная мне сила инициировала Смещение. Это всё усложняет. Телепортация на дальние расстояния здесь, судя по всему, невозможна. Я немного застрял...

Арк улыбнулся. Впервые за много дней он почувствовал, что находится в нужном месте и в нужное время. Что он наконец-то сделал правильный выбор. «На свете

счастья нет, но есть покой и воля», – вспомнил он стихотворную строчку откуда-то из детства. Счастья действительно нет, даже у практически всемогущих. Наверное, это никак не мог понять Виктор. Может быть, сможет Александр. Может быть, он уже это понял.

– Виктор тоже искал способ телепортации. Вы, великие колдуны, постоянно пытаетесь решить проблему в лоб. Нам же, простым смертным, часто приходится изворачиваться. Я пришел сегодня, чтобы предложить вам...

– Тебе.

– Предложить тебе приключение. И, судя по всему, оно придется к месту. Я понимаю, что телепортироваться на Земле нельзя, иначе все мы уже жили бы под пятой Лихтенхерца Первого. Но люди путешествовали и раньше. Что насчет полета? На воздушном шаре, ковре-самолёте, космическом корабле? Неужели это тоже недоступно?

Александр очень долго смотрел Арку в глаза.

Пасмурным осенним утром обитатели Александрплатц могли наблюдать непривычную картину. Телебашня, долгое время остававшаяся безмолвным символом бессилия и бесчувственности колдунов, стала мелко дрожать. Спрятанная в ней колдовская сила потекла бурным потоком, обвила ее со всех сторон, образуя невидимый, но легко ощущаемый кокон. Вибрация усилилась, передалась всей площади. Люди оставили свои дела, застыли в ожидании. Ничего хорошего это не сулило. Оксана выбежала из госпиталя, на всякий случай собирая вокруг колдовскую энергию. С телебашни отовсюду посыпалась бетонная крошка, зеркальный шар стал медленно вращаться, всё больше напоминая взбесившийся дискбол. Замерцало розовым, желтым, ярко-белым. Тучи, набрякшие над Александрплатц, стали медленно расступаться, словно опасаясь происходящего. Из основания шара вылетело несколько молний, которые, впрочем, рассеялись, не долетев до земли. С ужасным грохотом он оторвался от бетонной опоры, поднялся выше, сначала на пару метров, потом еще и еще, оставив после себя лишь куцую лишнюю башню, обломанную бетонную иглу, мертвую и пустую. Шар же продолжил подъем, пока почти не скрылся в грозových облаках. Его вибрация переросла в гул, он чуть сплющился и вытянулся, принимая более аэродинамическую форму. А потом он оставил Берлин позади, улетев, вместе с Арком и Александром, Юджином и Карманом, в веселое и злое будущее.